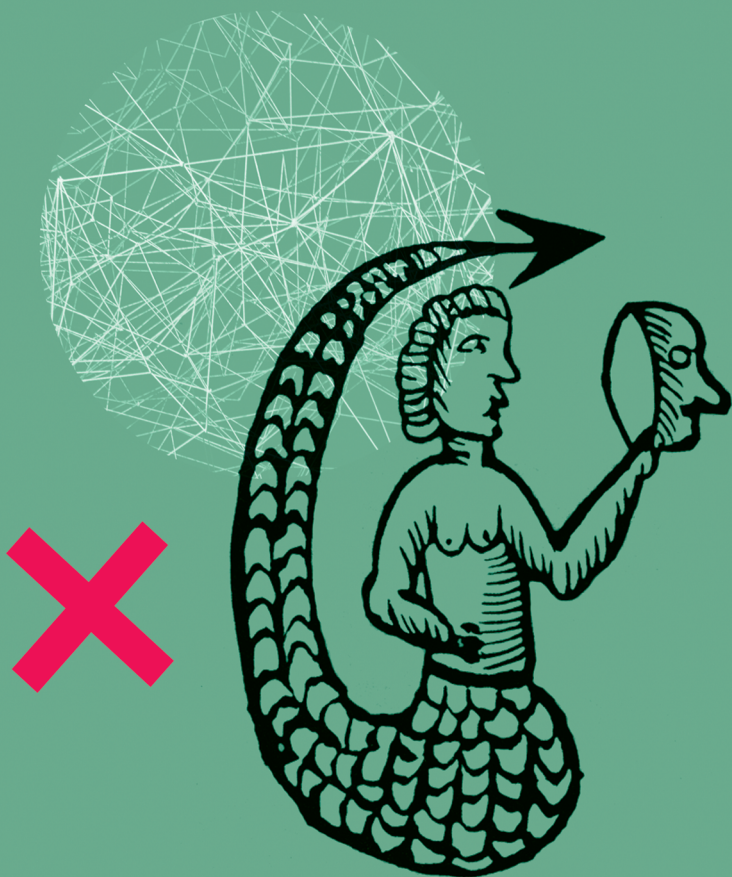


Елена Шварц

СТИХИ ИЗ «ЗЕЛЕННОЙ ТЕТРАДИ»



Книга поэта Елены Шварц «Стихи из „Зеленой тетради“. Стихотворения 1966–1974 годов» продолжает серию «Новые стихи. Архив».

Серия «Новые стихи» основана в 2015 году независимым книжным проектом «Порядок слов».

Экспертный совет: Елена Костылева, Илья Кукулин, Станислав Львовский, Александр Скидан, Андрей Черкасов, Константин Шавловский.

ББК 84 (2)

Шварц Е.

УБК 82 1

Стихи из «Зеленой тетради». Стихотворения 1966–1974 годов / Предисл. О. Виноградовой; сост. и подгот. текста П. Успенский, А. Шея. — СПб.: Порядок слов, 2018. — 82 с.

Ш 33

ISBN 978-5-9908277-8-3

СОДЕРЖАНИЕ

О. Виноградова. Перешеек.	
«Зеленая тетрадь» Елены Шварц	8
Отрывок (из детских стихов)	17
Город с похмелья	18
Два стихотворения об ангеле-хранителе	
1	19
2	20
«Сжальтесь, милые тени...»	21
«Должно, больная кровь...»	22
Из путешествий	
1	23
2	23
«Да, луна ведь просто цапля...»	26
Из «стихов о неврастенике»	
1	27
2	27
3	28
Сытая деревня	30
«Но придет январь-сапожник...»	31
Вознесенье	32
Сон	34
«Обломов, брат, взгляни...»	35
Предупреждение	37
Семь ликов буддийского храма	38
«Как часто полночью январскою...»	40
О сестрах Гоголя	41
Футбол	42
Воспоминанье о Таврическом саде	
(элегия)	43
Сорокаградусные песни	
1	45
2	46
О мигрени	47

Петербургские сплетни	
1. Петербургские сплетни	49
2. ***	50
3. О жажде	50
4. ***	51
5. ***	52
Из морских	
1. ***	53
2. ***	53
3. Венеция	54
Заговор подстреленных животных	55
«Когда бы не было Великого	
„До свиданья!“...»	56
«О ты — уродство чуть расцветшее!...»	57
«Зевок звучит протяжно...»	58
«Снова поезд в снова...»	59
Рассказ Аида, проглоченного Кроном	60
Охота	61
Чебуречная	62
Баллада о Махно	64
Испорченная пластинка	66
Представление о стихах в 18 лет	67
Со смирением	68
Письмо	70
В болезни — Наварин	72
Ночь в Вавилоне	74
Развлечения Демиурга	
1. Филологические развлечения	
Демиурга	75
2. Хирургические развлечения	
Демиурга	76
Наклоненье и выпрямленья крови	77
П. Успенский, А. Шеля. От составителей	78

ПЕРЕШЕЕК

«Зеленая тетрадь» Елены Шварц

«От поэта не могут остаться одно, два, три стихотворения. А только он весь, его зарифмованная душа, его гениальные и его бездарные строчки», — записала в 1966 году семнадцатилетняя Елена Шварц. Это юношеское желание быть целиком узнанной читателем для нее постепенно сбывается: мало кто из «неподцензурных» поэтов опубликован на сегодняшний день столь полно. Уже можно познакомиться не только с основным корпусом поэзии и прозы Шварц, но и с эссеистикой, дневниками и самыми ранними литературными опытами. «Зеленая тетрадь» — продолжение кропотливой работы по обнародованию сохранившихся в архиве текстов. У этого сборника есть свое место в поэтической хронологии Шварц: он связывает «Шварц-одаренного подростка» (стихи и дневниковые записи 1962—1966 годов) и «Шварц-зрелого поэта» (1969 год и позже). «Зеленая тетрадь» представляет собой своего рода перешеек между этими периодами, небольшую мастер-

скую, внутри которой зарождаются мотивы и оттачиваются ритмы, столь характерные для «канонической» Шварц.

Как известно, Елена Шварц начала писать очень рано — стихотворения, созданные ею в четырнадцать лет, уже ходили в списках по рукам ленинградской театральной богемы. Первые дневниковые записи появляются и того раньше — в 1957-м году, когда Шварц всего восемь. Александр Скидан называет эти детско-юношеские дневники «свидетельством об „антропологическом чуде“ — превращении обычной советской школьницы <...> в поэта-мистика и проницательнейшего читателя мировой классики, которому (в пятнадцать лет!) открываются бездны „Фауста“ Гете и „Процесса“ Кафки». Конечно, совсем «простой школьницей» Шварц не была: ее мать, Дина Морисовна Шварц, работала заведующей литературной частью в Большом драматическом театре им. М. Горького; семья главного режиссера Георгия Товстоногова и молодые актеры БДТ были ближайшим культурным окружением Шварц и первыми почитателями ее таланта. «Двенадцать» Александра Блока оказались у нее в руках в десять лет, в тринадцать своими любимыми поэтами она называла Бориса Пастернака и Булата Окуджаву, в пятнадцать состоялась ее встреча с Анной Ахматовой. Все это, однако, не отменяло и чуда: Шварц была классическим вундеркиндом, с малых лет проявлявшим недюжинные писательские способности.

Дневниковые записи 1962–1964 годов хранят свидетельства тех переживаний, что приносил Шварц рано проявившийся талант. Он давал ощущение исключительности и силы, указывал предназначение, но одновременно рождал тяжелый страх потерять их. На несколько лет Шварц оказалась заложником своего возраста: уже добившись определенного успеха, она оставалась в глазах «взрослых» ребенком, которого можно пожурить за плохое поведение (в одной из дневниковых записей пятнадцати-

летняя Шварц рассказывает о разговоре с поэтом Глебом Семеновым, руководителем ЛИТО, которое она посещала: он то заявляет, что она «одаренный человек и носит в себе Бога», то сетует, что он «не носит ремень», чтобы как следует «за нее взяться»). Неудивительно, что в этот период Елена Шварц была заворожена фигурой фанатичного флорентийского проповедника Савонаролы. Удостоверенный и освященный волей католического Бога, он громогласно свидетельствовал об открывшейся ему истине. Ей, девочке-подростку, лишенной подобной протекции высшего авторитета, тем не менее, надо было сделать что-то похожее — суметь передать окружающим трансцендентную подлинность вдруг обретенной стиховой речи. Конечно, трансформация советской пионерки в неподцензурного поэта-мистика вполне объяснима и внешними причинами: влиянием интеллигентской среды; открывшимся на волне послесталинской либерализации доступом к мировой культуре и модернистским опытам (русских и западных писателей); чуть позже — кризисом «оттепельного» проекта и связанной с ним необходимостью искать новые, отчужденные от власти зоны смыслов и свободы. Но у этой перемены было и личное измерение — изнутри самого поэта она предстает травматическим волевым усилием и огромной душевной работой.

В любом случае превращение произошло. Елена Шварц стала одним из самых значительных поэтов ленинградского подполья 1970–80-х годов и его самым сильным женским голосом. Для нее, как и для некоторых других близких ей поэтов (прежде всего, Виктора Кривулина и Александра Миронова, но также и для писавшего чуть раньше Леонида Аронсона и чуть позже — Василия Филиппова), религиозный поиск стал важнейшим источником образного языка и основой нащупываемой в застывшем позднесоветском времени метафизики. Юношеская зачарованность романтической фигурой

пророка переродилась в искусно разрабатываемую магистральную тему — размышлений о высоком жертвенном статусе поэта. В ее стихах он и свидетель Бога, способный пожертвовать своим телом-медиатором ради донесения священной вести, и тот избранный, кто может вступить с Богом в особые отношения: бросить Ему вызов, побороться, пожалеть Его или вызнать Его страшные тайны. Чтобы сделать эти практики доступными, творец должен «преобразиться», претерпеть метаморфозу — этот сюжет становится своеобразным центром поэтической системы Шварц.

«Зеленая тетрадь», состоящая из стихов, написанных Еленой Шварц в возрасте от 17 до 24 лет, попадает в промежуток между двумя описанными выше ипостасями: смятенным и воодушевленным подростком, не до конца уверенным в своем предназначении, и сильным поэтом, через призму веры преломляющим свой опыт превращения в такового. Этот сборник, однако, чужд напряжению обоих состояний — и усилиям первого, и истовости второго. Он почти целиком состоит из текстов как будто бы необязательных: миниатюры посланий, зарисовки стихов на случай (случай похмелья, болезни, полуночной прогулки или легкой депрессии). Это, по большей части, литературные опыты, написанные в столь нехарактерном для Шварц расслабленном регистре — то ли для тренировки, то ли для радости, — и тем особенно привлекательные.

Самым выраженным влиянием в этом сборнике кажется поэзия Николая Заболоцкого, поэта для Шварц определенно значимого, но все же никогда не ощущаемого в ее текстах столь явно. Здесь, однако, находятся прямые отсылки (из Заболоцкого взят единственный неавторский эпиграф; стихотворение «Футбол» является очевидной вариацией одноименного стихотворения поэта-обэриута и ответом на него; встречается много образных и лексических переключек), и, что важнее, перенимается техника наблюдения за миром. Шварц увлеченно пробует

натурфилософские выкладки, сравнивает рукотворное с нерукотворным («Хоть вижу скелет опрятный / Машины и каждый сустав, / Движенья ее непонятней / Движенья темных трав»), описывает самостоятельную и стремительную жизнь вещей («На штыке китайском вдруг / Вознесся к небу Петербург. / Нева в слезах — еще б — она / Была в гарем отведена»), замечает раблезианское изобилие материи и ищет способы преодолеть зачарованность ею («Все екает живая селезенка. / Быть может, это — ад, / Такой простой — как бы мясная лавка»).

Вместе с тем это тексты очень «шварцевского» строя, стихотворения-ростки, которые тянутся к будущим главным темам и приемам. Прообразы хрестоматийных текстов можно найти в совершенно буквальном смысле: в «Городеспохмелья» (1966) возникает рентгеновский снимок, которому предстоит возродиться в «Элегии на рентгеновский снимок моего черепа» (1973); в «Сытой деревне» (1968) старуха залезает греться в буханку хлеба, из которой на десять лет позже выйдет поэт-младенец в «Рождении» 1979 года; Орфей уже смотрит на цербера играющего собачий вальс («Сжальтесь, милые тени...», 1967), но трагически потеряет свою Эвридику только в 1982-м («Орфей»). Здесь же в травестийной трактовке возникают персонажи русской истории («Петербургские сплетни»), которым еще не раз предстоит стать героями остроумных псевдоисторических конструкций Шварц. Отдельный (и, видимо, неслучайный) сквозной мотив «Зеленой тетради» — учение. Сюжетам стихов становятся арифметика и история, филология и химия; героями — Гоголь, Петр I и батька Махно. Все они вылезают из картонных рамок школьного и университетского канонов и превращаются в фишки для игры поэтического ума (и это также эксплицитно описано самой Шварц в стихотворении «Филологические развлечения Демиурга»: в нем, вполне в духе традиционной метафорики Шварц, с различными языками и наречиями играет не поэт, но сам Бог).

В творческой биографии Шварц этот сборник выполняет отчасти демифологизирующую функцию. Он проясняет необъяснимую стремительность чуда, как бы в замедленной съемке делает видимым процесс метаморфозы гениального подростка в зрелого поэта. Основой этого изменения неожиданно оказывается не экзистенциальное усилие, не религиозное прозрение, но веселое учение и легкомысленная запись повседневных происшествий. В сборнике видно, как затеянная игра постепенно усложняется, форма оттачивается, бытовые детали приобретают все более серьезное аллегорическое значение. Впрочем, до определенного предела. Соль «Зеленой тетради» в том, что она демонстрирует не одно лишь совершенствование, но и обратное ему действие — наделение смыслом необязательного. Юмор, инфантилизм и легкость этих опытов без труда улавливаются и в поздних текстах Елены Шварц.

Ольга Виноградова

Отрывок

(из детских стихов)

А ты, любимый, сифилитик полусонный,
Ты все равно бы умер скоро...
Лифт не работал. И клетка грудная
Его не вздымалась уже,
Бог знает чем промышляя,
Ты жил на шестом этаже.
Стояло время в небесах,
Не изменялася погода,
За бутылками, за бутылками
Постарели с тобой на полгода.
Деревья в окна к нам ломились,
Седые распустив власы,
О, время б не остановилось,
Когда б не пропил ты часы!

<середина 1960-х>

Город с похмелья

Когда я горькое питье
Тяну из горлышка в молчанье,
Мое унылое житье
Почти равно воспоминанью.

Точней рентгенова рисунка
Или гравюры на меди.
Смотри, смотри не упади,
Не позабудь вчерашнего веселья.
Нет лучше ничего,
Чем улицы с похмелья.
Зачем ты, спотыкаясь,
В тоске недоброй
Через туманы и пальто
Чужие видишь ребра?
С крокодилом в зоопарке не здоровайся,
И вот — войди в трамвай
И руку протяни для милостыни сдачи,
Смотри же не заплачь. И не заплачу.
Куда ты, бедное пальто?
Куда — трамвай зеленогривый.
То дерево одарено
Такой же зоркостью тупою и орлиной.
Камня холодная свирепость
Да минует нас —
Петропавловская крепость
Эрмитажу выбьет глаз.

1966

Два стихотворения об ангеле-хранителе

Ангел, дней моих хранитель,
С лампой в комнате сидел.
Он хранил мою обитель,
Где лежал я и болел.

Н. Заболоцкий

1

Ангел-хранитель

Простой платок, простой и черный,
Брошенный на подушке диванной,
Ты так похож, ты мне напомнил
Евангелие от Иоанна.
Двойное эхо ты услышишь —
Приметы, звезды и судьба,
Но, оглянувшись, не увидишь
Того, кто смотрит на тебя.
Он держит крылья так неловко,
Как руки мы.
За тобою босыми ступнями
Он идет по сугробам зимы.
Когда уедешь ты, уедешь
В дыханье белом паровоза,
Он подымает крылья так же,
Как подымают их стрекозы.
И голова его, поросшая
Такой же черною травой,
В потемках комнаты заброшенной
Сияет вечно над тобой.

Но между тем январь он любит
Иных всех месяцев сильней:
Земля зимою не причастна
К тому, что мы живем на ней.

Но нет зимы на небесах.
Растет, растет там камень белый.
Там каменные плавают дома.
О, глина, дерево — июли вы, апрели.
Но булыжник — Господня зима,
И тоска его без предела.

1966, март 1967

Глюк теперь — сверчок запечный,
Баба старая, — предвечный.

«Сжальтесь, милые тени,
Отпустите мою Эвридику!» —
Его слушают дикие звери,
По щекам текут сладкие слезы.
В Аид опустелый и пыльный
Теней не привозят ныне, —
Собачий вальс играет старый цербер
На глюковом забытом клавишине.

1967

Должно, больная кровь
И слабое сложенье
Виной, что непонятна мне
Таблица умноженья.
Хоть вижу скелет опрятный
Машины и каждый сустав,
Движенья ее непонятней
Движенья темных трав.

1967

Из путешествий

1

Какое под обложкой море
Сверкает там невдалеке!
Козьма Медичи, озираясь,
Крадется с ножичком в руке.
Весь глянцевитый от луны
(упала склянка из кармана),
Пока он резал у стены
Человека, похожего на фазана.
Зря во флаконе потели
Жабьи слезы и слизи.
Чего ты ищешь в синем теле?
— Нерастворимый камень жизни.
Нерастворимый жизни камень —
У Ахиллеса в пятке он,
У нас под горлом заключен.
А бедная душа — ей в пропасть все лететь,
Сухая жилка на виске стучится громко,
Поет кузнечик. А внизу
Все екает живая селезенка.
Быть может, это — ад,
Такой простой — как бы мясная лавка.

1967

2

...Труба, о небо ударяясь,
Поет.
Над тобой волна открыла
Голубой и скользкий рот.
Щепки все и все обломки

Вынес сиплый океан,
Запах смерти ежедневной
Он принес из душных стран,
Запах смерти приходящей
И тропической проказы.
Отчего у тебя одна нога,
Но зато три глаза?
Воет старый, воет сиплый
Океан.
И ползет по стенке липкой
Пьяный таракан...
Память потерянная — корабль отвязанный
Так бредет в открыто море.
Перемешались вишня с вязами
В застеклянном взоре.
Но способ есть один
Связать порвавшуюся нить —
В том единственном напитке
Можно душу растворить.
И горит взамен души
Малиновое пламя:
Знай подкидывай ребра,
Чтоб веселей горело,
Пусть мне было суждено
Пьяное веселье,
Было легкое вино,
Легкое похмелье...
В вагоне-ресторане
Кружится гарь в стакане.
Киев-город, Киев-град,
Голубой от страха,
Как квадратны тополя
На твоей рубашке.
И поделишься ты с нищим
И винищем, и кладбищем —

Вот и все, чем ты богат.
Тридцать второго августа
В горбатеньком переулке
Гуляла лиса в котелке.
Как блестела ночью крыша,
По которой я бродила,
Водосточная труба
Задушить меня хотела,
Но мерзко было мне ее
Чешуйчатое тело.
А как город на шабаш летел,
Да об землю стукнется!
О, поломанные ноги переулков,
Ржавые улицы!
А дни мои все короче...
Огни Ивановой ночи
Блестели.
И, расцветая, звенели
Папоротник хрустальный,
Шелковая крапива.
Был в пещере огонь ужасный.
Что, своих не узнаешь?
Ты чего, голубчик-ведьма,
Честь метлою отдаешь?

Да, луна ведь просто цапля,
Просто цапля на болоте,
Керосиновая лампа
На осеннем переплете.
Переломаны в коленях,
Ходят лунные лучи.
Так темно внутри полена,
Так темно внутри свечи.
Так и в сердцевине века,
Видно, нам не повезло, —
Держит свой костыль калека,
Как тяжелое весло.

8 января 1968

Из «стихов о неврастенике»

1

Покуда снег идет, шатаясь,
Походкой пьяного матроса
От Мурманска до Ленинграда,
Покуда дым от папиросы
Летит, кружась, к решетке сада,
Бормочет он на остановке:
«Купить бы полкило веревки».
Железная Екатерина
Стоит почти под облаками:
— «Любовь любовью, а дела делами», —
Так говорит она, но он не слышит,
А только часто-часто дышит.
Он хочет смерти надоесть,
Ее все время призывая,
Ее все время называя, —
Не прибежит же, как борзая,
Она на свист — наоборот:
Приходит к тем, кто и не ждет...
Приди, белее, чем простынька,
Смертыня, смертушка, смертынька.

2

Сползает скатерть
На край стола,
А с ней тарелки —
Так нас зима вела
На посиделки.
Время, ты б остановилось
На минуточку у входа.

Времени неотвратимость
Любит мертвая природа.
По смятенью облаков
Поняла я, кто таков
Был тот пьяный человек,
Что лежал
В конце проспекта.
Над ним ангелы стояли —
Все обжоры, палачи,
Совсем как вышибалы
Или стукачи —
Если знаешь что — молчи.
«Смерть я очень уважаю, —
Бормотал он, — даже чту,
Но из всех ее обличий
Католичку предпочту.
Предпочту я черный хор,
Певчих, белую дорогу,
И веночек, и собор,
И туман, и дроги.
Чтоб за мной спускался ангел
С непонятной высоты,
Чтоб над гробом расцветали
Только белые цветы».

3

Голодный волк
Зубами щелк, —
Трепещет пыльный мотылек
На запертом окне.
Их манит освещенный дом,
Полночный ужас им знаком.
Но жальче мне сову и мышь

Летучую, ведь стоит лишь
Чуть побелеть ночному мраку, —
Им смерть мерещится в рубахе
Ночной. И вот, дрожа от страха,
Мышонок за трубу летит,
Глаза закрывает, будто спит,
Но счастлив, что внутри темно
И там рассвета не бывает...
Всех жальче бедный неврастеник, —
Пугливей волка и совы,
Бойтсся дня, бойтсся тьмы,
Все чудитсся ему, что кто-то
С ним рядом, на него глядит:
«Не надо вещего мне ока,
Не надо зрениа пророка,
Я так боюсь привидений,
А пуще — чуда и знамений», —
Так говорит, но даже боком
Немеркнувшее чует око.

<начало 1968>

Сытая деревня

Полезай-ка, старуха, в буханку,
А то бродит кругом жулье.
А во хлебе тепло, как в портянке,
То-то теплое будет жильё.
А у нас-то внутри
И тепло, домовито,
Есть у нас — посмотри —
И крыльцо, и корыто.
Пахнет кровию свежей
И сырыми дровами:
Курица, когда ее режут,
Не говорит — «я одна у мамы».
Светлый пар идет от щей,
Ну-ка, matka, режь курей.
Только сунься к нам, дурак,
На тепле замешан мрак.

1968

Но придет январь-сапожник,
Белы валенки стачает,
Он в глазу у мертвой щуки
Солнце красное качает.
Закачает ли, занянчит,
К синяку пятак приложит,
Все, о чем у Бога просишь,
Позабить тебе поможет.
В кульке из ледяных простынь
Лежит подкидыш-апельсин.
Со стенок Смольного
Крошится снег сухой,
Вдвойне холодный,
Вдвойне голубой.
Голова слепой богини
Изуродована мукой —
Комсомольское собрание —
В дортуаре.
Затоптанные тротуары
Снег милостиво прикрывает.
Обида есть первое
Из всяких многих чувств.
Когда так пусто было на земле
И ангелы еще в снежки играли,
Вдруг архангел Михаил
Люциферу глаз подбил,
Растекся по щеке снежок —
Обиды боль, стыда ожог —
Вот первая зима творенья.

1969

Вознесенье

Христос,
Одетый в розовые ленты, латы,
Взвивался.
К его пяте была приклеена голова
Солдата,
Не им, но силой той,
Которой подчиняются и море, и заря,
Как будто воздух тянет
Огромная ноздря.
И втянут гражданин был в это,
От дел оторван, он летал в костюме,
Он был не удивлен
И различал с трудом
Горько-розовый дым
И внизу исчезающий дом,
И фетровая шляпа,
Носовой платок.
Задумавшись навеки,
Он тер себе висок.
Но тайное мученье
Проникло все окрест.
Монета, судорожно молясь,
В темноте кошелька
Превращается в крест.
На вершине водоворота —
Христос, одетый в розовые латы.
Огромная ноздря тянула воровато
Все, что ни попадись:
Спасителя, солдата.
Багровый шмель томительно жужжал,
И подымался,

И в улетающую пятку
Жалобно впивался.
И превращался обратно в Слово —
Тлетворный корень естества земного.

1969

Сон

Китаец хитрый Ли
Сегодня варит суп
И, кинув горсточку слив,
Вдыхает дыма куб.
Китаец Ли, китаец Чу,
Все говорят — похожи
Как одна ваши желтые рожи.
Но этому я верить не хочу.
Вот вышитый китайский соловей,
Рожденный в муках соловьиной,
Поет, что в Поднебесной тихо-тихо
И азиаты всех умней.
Китайская стена,
Свернувшись в трубку
Подзорную, следила, как волна
Несет на берег шлюпку.
А грусть поет,
Глаза расширив, пролетая над Москвой.
Его двойник свалился в тире
Вниз с пробитой головой.
На штыке китайском вдруг
Вознесся к небу Петербург.
Нева в слезах — еще б — она
Была в гарем отведена
Вслед за Москвою толстопятой,
Там пребывая двадцать пятой
И нелюбимою женой.

1969

Обломов, брат, взгляни
И пристально, и жирно,
Но сладостно и мирно
Скорей опять усни.
О этот взгляд знакомый
Из-под тяжелых век —
Только бы с милой подушкой
Не расставаться вовек.
Сесть ли к окну,
Ну конечно, в халате,
Тихо под солнцем
Светится слякоть —
Ждать ли чего?
Любви внезапен приход,
Но и она
В этот дом одинокий
Вряд ли придет —
Разве когда-нибудь
Спустится ангел
С небес,
Перелетев
Через голый
Пригородный лес.
В дряблом теле закут
Сонной души поищет
И унесет ее в дальний приют
Для нищих.
Дни мои, милый приятель,
Тихо текут, как снег, —
Только бы с теплой подушкой
Не расставаться вовек.

Ох, не будите вы! ну вас!
Однообразно, сине —
Жизнь от меня отвернулась?
Может быть, я от нее?

10 декабря 1969

Предупреждение

О, не накличь
Их невзначай —
Как будет
Страшно по ночам!
От духов ты,
Подальше ты,
Шипящих (кыш!)
Из темноты.
Потом ты будешь
Крест носить
И свет ночами
Не гасить,
У Бога
Милости просить
И осенять себя крестом,
Зубрить спасательный псалом.
И сотню раз
На дню твердить,
Намашивая ом,
Но напрасно —
Рядом выются,
Вот сейчас
Тебя коснутся.
О, не накличь
Их невзначай, —
Как будет страшно
По ночам!

Январь 1971

Семь ликов буддийского храма

Таинственное сходство богов.
Сами себе отцы
Священных саг, Вед.
Близнецы Один, Ягве.

Зоопарковский слон
Тихо тело пронес
Вдоль Ростральных колонн
Цвета жареных роз.

Буддийский храм черней осенних веток
У Невки — среди тумана, катеров
И волейбольных сеток, —
Мерцая тусклой синевой,
Как пломба в пасти городской.
Или как черный слон,
Дождя макароны глотая
И пестрой башкою мотая,
Еще немного бурь и бед,
И поплывет он, как ковчег,
К себе туда, в родной Тибет.
Две телки встали золотые
У золоченого руля —
Их бронзовою кровью налитые
Зрачки кружатся, плыть веля.
Две золотые телки у руля —
Божественное колесо,
О повернись еще немного,
Пусть тянет душу до порога,
До занебесного чертога
Нерукотворный пылесос.
Город в синем заливе,
Как в мокром стогу.

Индра усыновил Петербург.
Как печать, как паук,
Шива выскользнул вдруг
И, качаясь, зацвел на снегу.
Он — как горный склон —
Руками, ногами оброс
Там, куда под мышкой
Наш грозный царь принес
И выкрасил две вышки
В цвет подгорелых роз.
Индра — видишь —
Этот храм — тумба
Для привязи коней небесных
У входа в дворик бестелесный...
Волненье странное — кусты и
Деревья так целомудренно дрожат,
Как будто Индия с Россией
На брачном ложе возлежат
Среди трамваев.

1971

Как часто полночью январскою
Свет снегов и тьма небес
Спорят, волосатой маскою
Прикрывает поле бес.
Крещенскою ночной золой
Вдруг потушило все сугробы,
Ни зги, потом опять светло...
Так кто из них кого угробит?
То тьма, то машет снег крылом,
То врозь, то сходятся умильно —
Всю ночь метались за окном,
Как негритянка и насильник.

<1971>

О сестрах Гоголя

Теперь он думал, что напрасно
сестер отдали в пансион —
и ничему не научились,
а некрасивее, чем он.
То вдруг смехом некстати
некрасивым зальются,
то, запутавшись в платье,
упадут, расшибутся.
Да еще так похожи!
И зонтик как палку,
и все, и все не так,
и сходство видно —
как больно, как жалко,
а главное, стыдно.
Как бы сбыть поскорей
с глаз долой,
к знакомым,
а после домой, —
у знакомых есть стыдятся,
уголь, запершись, грызут.
Брат уехал, умер. Мчатся
годы, а они еще живут,
каждая в своем поместье.
Не собратся снова вместе,
и осталось:
вкушать — хотя и стынут руки,
трещат крещенские морозы
в колечках масла, свеклы, лука —
густой навар славянской прозы.
И сладко утонуть в перине
с забытой книгою в руках,
когда его уж нет в помине,
а может быть — на небесах.

Футбол

Ручьи людей, чернея, катятся к стадиону
Через фиолетовый город и через парк зеленый.
В трамвае тесном среди всех и я полубыла,
Окраина, краснея, по небу поплыла.
Сверху стадион похож на кричащий черный рот,
К светло-зеленому языку прилипла пара ворот.
Как нужна общая цель необщих усилий!
Архангел, подтолкни же синюю гетру пучком
своих крылий.

Чтобы радость пронзила иглою одной
Все сердца — вздрогни сетка за вратарской спиной.
Господь велик ни тем ни сем — он днем и ночью
безлунной
Видит вселенную сразу всю и мышку под правой
трибуной.

А нападающий бежит на острие заката,
Его рубаха алая от пота лиловата.
Глаз толпы не видно, но она довлеет,
Медленно вскипает, радостно звереет.
Гнет мерцающих тысяч глаз толкает его в крестец,
Чтоб гол забил он наконец.
Но спотыкается, не выдержав давленья,
И, со своей сцепившись тенью,
Он катится, хромает, встав потом,
И все его молекулы страдают —
Их больше, чем болельщиков числом.

1972

Воспоминанье о Таврическом саде (элегия)

Зимы хранитель штопал
Все сереньким окрест,
Штангистом вдруг затопал
Присадовый оркестр.
Халтурщик он — халтурщик есть,
Но до поры,
Их было человек пять-шесть,
И все были стары.
Ужели ты в кинотеатре,
Старик, вчера играл,
Как будто нитку на катушку
Ворча мотал?
Все — боль, заботы, зависть, злоба —
Прорвались все до темноты.
О выскажись, проснись у двери гроба —
Таким сюда не возвернешься ты.
Хотя... Пускай он глину плоти
Кидает, мнет и давит, как автобус,
Но жизни и души бесценный соус
Ни капли не прольет, и вы еще споете.
Оркестрик маленький,
Как угли на снегу,
Еще черней <казался> от мороза. —
Летая, птица хохотала — «Не могу!»
Внизу завывла горсточка навоза!
Но эти черные крючочки-закорючки
Томя томили — «Ах, сладкие денечки!»
На кого покинули скрюченных — увечных!»
Слетались сумерки.
Решетка индевела,
Скрипел катаемый каток,
Как серый шелковый платок.

Лед кружил, как белка,
Да под эти вопли
Хрюкала тарелка
И мерцали сопли.
Морозом сердца не задубишь,
Все веселеть и веселеть,
Хоть на того, кого любишь,
Больно обычно смотреть.
А в черном яйце
Кружится космонавт,
Но скорлупы он не пробьет —
Чернявый светлый круглый лед.
Сказал старик, когда очнулся,
Тому, кто первый подвернулся:
— О ты, моча счастливых дней,
Ты была испаримей, ты была зеленей!

1972

Сорокаградусные песни

1

Раз проснулась я с больною головой, —
Пепельницы серый остров быстро встал передо мной.
Было много в ней окурков, грязи, сору,
Пьяных слез, дурного разговору.
Показалось мне с похмелья, с голодухи —
Это нищенки лицо, рябой старухи.
Окурков двух погасшие зрачки
Просили — «Подари, купи для нас очки».
Это вам... Да и не встать мне...
Это б вам не помогло:
Все истлело, все сгорело,
Черной пылью заросло.
Вот и я уже такая — молодая, а уже...
Душеньку бы поменяли
Посветлее, посвежей.
Пепельница, эх, сестричка,
Шило-мыло на козу,
Я найду в тебе чинарик —
Выпьешь ты мою слезу.
Эх, похмелье! Скатерть, рвота,
Рюмки битые и нож.
Боже, Боже, ты загубишь,
А потом уже спасешь.
Тянет руки целовать
И завывать бы так глубоко,
Чтобы от плача затряслись
Старой пепельницы щеки.

Не умру же я вот так, —
Обнимая унитаз,
Обвернувшись вокруг него
И с блевотиной у глаз.
Не уйдет ведь жизнь туда,
Куда уносится вода, —
В трубы черные, как птица,
И куда заползают лишь мокрицы.

Может, надо жить вот так,
Как печальный унитаз:
Он смывает быстро грязь,
Устремив овальный глаз
В небо, в скрытую лазурь.
Пусть мешает потолок,
Он упрям и одинок.

Пусть завоюет напоследок
Хор котят среди обьедок:
«Жизнь есть боль, ведь жизнь есть боль».
Проскрипит квартет осин:
«Знай — когда ты ни заплачешь,
Ты заплачешь не один».

О мигрени

Серебряный сундук
В наследство мне оставлен:
Меж двух висков, меж двух,
Меж двух висков поставлен.
Дух старинный, беспокойный
Туда входит, словно в дом,
Сундук подпрыгнет, врежется
Окованным углом
В мой правый, уязвимый
И голубой висок.
О бедное создание,
Твой жребий невысок.
Благодарю тебя, о Боже,
За то, что мы с тобой похожи —
И тайный стыд,
И голова
Болит.
И вот, прохладна будто ветка,
Ко мне летит уже таблетка,
Как полумесяц, как монетка,
Но избавленья не купить.
Я не умею ничего,
И совестно мне жить.
Я сделаюсь Невой,
Я корюшкою стану.
Летит мое такси
Подобно ероплану.
Это ты — моя таксивка
Однозелеглаза,
От копыта до загривка
Ана ниси маза¹.

¹ Правильно: аза-ниси-маза. *Asa-nisi-masa* — детское заклинание из филь-

Я сделаюсь Невой,
Я корюшкою стану,
В водичке голубой
Я плавать не устану.

<не позднее февраля 1973>

Петербургские сплетни

1. Петербургские сплетни

И Казанский собор на коленях
Обнимает прохожих и душит.

В дыме адской папиросы,
В блеске облаков белесых
Стоял корабль — такой курносый.
Вокруг шептали — «Оттого,
Что сын он Павла самого,
Внебрачный и такой похожий,
Но от кого же, от кого же?»
Как он родился! Как вопил!
Как мачтами он жалко шевелил.
И только горькой невской
Одной воды просил.
Ах, мне бы хоть заплатой
На парусе уплыть,
А зебра вся в тельняшке
Стояла б на корме.
Ах, но воде, воде зеленой
Оставить здесь дома прекрасны —
Предмет любви неразделенной.
Как им не стыдно, боже мой,
Бесстыжей этой мостовой
Влезать в любой открытый глаз
И быть одной для всех, для нас.
Там, где Нева, и там, где Невка,
Которая, как уличная девка,
С любимым проходим.
А может быть, им все понятно —
Любовь должна быть безответна,
Неутолима все равно.
Краше елки новогодней

Там стоит престол Господний,
На лице же у Творца
Ужас близкого конца.
Прикрой, укрой водой зеленой
Предмет любви неразделенной.

2. ***

Г. Г. Семенову

Слаще облак райских
Мне приснится вдруг
И немецкий, и китайский
Деревянный Петербург.
В трактире, длинный и спесивый,
Трубку курит и молчит,
В стекло спеленутое пиво
Пред ним младенчески шипит.
Бормочет он как в полусне:
«Два города есть в сей стране —
Один город на блинах,
Другой город на плотах,
Один — псих, другой — дурак,
Лучше, право, жить в деревне».

3. О жажде

О, как мучит алкоголика
Жажда страшная под утро.
— Хоть воды, раз нету водки, —
Шепчет глухо он в тоске.
Но соленая селедка
Ползет по высохшей реке.
Вообще-то, жажда столь сильна бывает,
Что ход истории переменяет.

Утлегарь и бом-брам-стенъга
Не увидят воду вновь.
До песка всю хлещет Стенька
Волгу — будто это кровь.
Зеленый Петр появился
И, в страшной жажде нем и дик,
Шлагбаумом переломился,
Губами к Балтике приник.
О, как надо человеку,
Чтоб пускай не за окном,
Но хотя б за ближним домом
Мир кончался водоемом!

4. ***

Окно в Европу
Растворилось —
Открытой раной
Оно дымилось.
Усталый царь привстал со стула,
Поддернув английски штаны, —
Балтийским холодком тянуло
В тепло распаренной страны.
В духоту кабаков грязных,
Нет, не всех еще бритвой исцарапал,
Потому во взвизге — грязных — злых, как жмых, спадает
на пол.

И теперь пахнет водкой,
Тепло, как во рту
У царя, наводящего страх.
Наш корабль в парусах
Раскачался то вверх, то в саду, то в порту
На мужицких скрипучих костях.

5. ***

Ломтем разваренного мяса
На блюд<е> оловянных вод
Кронштадт дымится.
Из бывших мокрая столица
Сухую корочку жует.
Там всего-всего довольно:
Девоч, дворников, рабочих,
И убийцы, и врачи —
Все, включая и диспетчера,
Все — в одной рубаше вечера.
И у каждого свои
Смертны очи, руци, нози,
И над всем игла уходит
Ввысь, как вопли на морозе.

<не позднее февраля 1973>

Из морских

1. ***

Серебряный орех, турецкая галера,
Фелюга, медуза с угрем,
Дельфин, вороней револьвера, —
Из моря выйдя, пахли леденцом.
Свои игрушки подарил нам Бог,
Но ты поверь в земное их рожденье,
И для того прими пригоршню блох
И ветхие на палубе строенья.
Всего прекрасней в мире корабли —
Сверкают паруса, гноится якорь,
Еще немного серебра и тьмы,
Чтоб задышали знаки Зодиака.

2. ***

Луна пованивала рыбой,
По поднебесью вололась,
Хозяйка, режа мяса глыбу,
Тихохонько стонала — хрясь.
Хрипело море, морской вокзал,
И, наклоняясь, белый тополь
Пушинки белые сбивал
И посылал в Константинополь.
Все духи южной кухни резвились
Тяжко,
Они в пучину все стремились —
И муравей, склоняя небосвод,
Ведь о морях мечтают и дворняжки, —
Котлетный жир, мужской одеколон.

3. Венеция

Когда Венеция, как голубь коммунальный,
Вся сизая, ты под воду уйдешь,
Покорная обетам обручальным,
Что все твердил многоименный дож,
И воздуха сиреневая арка
Вся съжжется, как скомканная блуза, —
На куполе святого Марка
Детей выводит бледная Медуза.
Тогда в Венецию вернется Казанова,
Пусть в черепе его макрели и угрята,
Какого-то блесна кружится рыболова,
В Ридотто он поставит три дуката.
Тебе, Венеция, и серебро макрелей,
И рыбки золотые так идут!
Спокойно спи на голубой постели.

<не позднее февраля 1973>

Заговор подстреленных животных

«Поговорим на языке
Ломбардных шуб», —
Мне говорили пуговицы платья.
Но тише, а не то вас ждут
Их душные объятия,
Племя шапок...

Безумный сыщик в дверь вошел.
Кого так долго я искал — теперь нашел.
И, наклоняясь, тихо говорит:
«Помнишь тяжесть шубьих лап?
У горла теплое дыхание
Все ближе, ближе...
Шапки нисползание?»
Но тут он заорал — «Лови ее, лови же!»
Шуба к дверям летела,
Спрыгнувши с крючка,
Она от страха поседела
И не могла открыть замка.
Но нет. Куда ты? Не уйдешь!
И он достал садовый нож.
«Подслушивала, подлая?
Сознайся и назови сообщников своих!»
О, как она под ножиком вопила,
Напрасно о прощении моля.

<не позднее февраля 1973>

Когда бы не было Великого «До свиданья!»,
Как пусто было бы существование:
Несбыточное, воплотясь,
Своей убогостью б томило,
И уж тогда совсем ничем, ничем
Бы я не дорожила.
Есть цепкость тайная в прикосновениях,
Есть нечто такое,
Будто мы все хотим унести с собою.
Как утопающий, схватив кого попало,
Как утопающий, что дышит еле-еле,
На дно и в вечность тянет, как в постелю.

<не позднее февраля 1973>

О ты — уродство чуть расцветшее!
Младенец-идиот, еще огромный рот
Твой свеж, еще ты на заре, в росе,
Еще лицо твое прекрасно,
Как все, пока оно цветет.
Ты вырастешь — цветение, как дым,
Но неизвестно, выше чье призванье
И что достойнее — быть певчим иль святым,
Или химерою в соборе мироздания.

<не позднее февраля 1973>

Зевок звучит протяжно,
Как дальнее «ура!»,
Светло сегодня ночью,
Темно от туч с утра.
От призрачных, похудевших,
Отстрадавших, оттерпевших —
Это было далеко,
Как мы пили молоко.
До чего же не удались —
Ростом, голосом, злобным взором —
Кто у самой войны родились,
Как грибы под высоким забором.

<не позднее февраля 1973>

Снова поезд в снова,
Даль туманом повита,
Тут уж — хочешь-не хочешь —
Станешь ты самовита.
Сохрани свои привычки,
И в дорожной злой тоске
Я держу сырые спички
В правом огненном виске.

<не позднее февраля 1973>

Рассказ Аида, проглоченного Кроном

Когда папаша, старый крокодил,
Меня, сестер и брата проглотил
И пасть захлопнул —
Гудящий розовый поток
Стучал в огромный бок,
Шумело, булькало вокруг,
Потом из тьмы всплывали вдруг,
Белея, ребра.
Из моря красного, шумящего все глуше,
Сестер вылавливал, вытаскивал на сушу.
И снова с бревен скользких
Ползли, крича, куда-то,
А небо над нами было
Черным и розоватым.
Сердце его стучало гулко,
Чавкая страшно,
И долго мы росли меж ребер в закоулке,
И розовом, и влажном,
Под небом розовым без облаков,
Давясь кашей холеных боков.
Было ненавистное родным,
И темница была родная,
И прогрыз бы я толстый бок,
Но за ним была темница другая.
И с трудом, задыхаясь во сне,
Мы глотали распаренный воздух,
И казалась вселенная мне
Жадной гадиной в белых звездах.

<не позднее февраля 1973>

Охота

<не позднее февраля 1973>

² Пропуск в оригинальном тексте, сохранившемся в единственном экземпляре. — *Прим. сост.*

Чебуречная

В захудалой и неприкаянной,
Но толпится в ней публика вечно,
В этой грязной окраинной
Чебуречной.
Зачем и кто, какого лешего
Обливает их желтым до боли
И, кружа, перемешивает
Людской салат без соли?
Эта вывеска их завлекла —
На ней грузин при шляпе, без носков,
Вокруг него земля цвела
Багровым лесом шашлыков.
Заходи же скорей, становись
В эту очередь братьев — похожи,
Все обтянуты серой кожей,
И баран — Господь, упокой —
Был такой нездоровый, родной.
А в Рождество
Над стойкой — ангелок-попечитель,
Посетителей тихий лечитель,
В халате синем с дырами,
С промасленными крыльями.
Он дует в свистульку
И машет метлой,
Отгоняя заботы,
Над седой головой
Старика, что поближе,
Ближе к радио сел,
Потому что там голос
Скрипки дальний запел.
Ртом поводил он, как смычком,
Качалась пьяная улыбка,
А с нею все кругом —

И чебурек, и скрипка,
И объедки, и грязь,
Да луна на занавеске
Сальной каплей расплылась.
Пей кислое вино,
Не слушай, как икает
По столику сосед,
Как бы благословляет
За годом год
Цепочку лет.
Освобождается от сна
Душа, тоской пробуждена,
И вдруг вскочив, скосивши рот
И всхлипнув жалобно и тонко,
Харчевню грязную прижмет
К груди, как грязного ребенка.

<не позднее февраля 1973>

Баллада о Махно

Сидишь на кухне, очумелый,
Накинув старое пальто,
А спросят: — Красный или белый?
— Зеленый, — скажешь ты на то.
Смешно родиться невпопад —
Со временем не свыкнуться.
Приходи, Петлюра, брат,
В картишки перекинуться.

Мне во сне Махно явился
В отблесках огня.
Свистнул он и провалился
В белого коня.
Не грози теперь наганом,
Ты, гонимый зимний волк,
Наших теплых всех и пьяных
Перерезал красный полк.
(А лопух и свекла
Под окном растет,
Дома тебя Фекла
Митриевна ждет.
Ты, казак, поглубже в глину
Зарывайся, спи, не верь —
Самостийну Украину
Называют усэсэр.)
Припадочный длинноволосый,
Лети же, плача, до границы.
Твои зрачки на юг уносят
Житомирские синицы.
Житомирские синицы
Над черепами галдят,
Пустые, пустые глазницы,
И все же они глядят —

Будто пустой колодец,
Столько свету на дне.
Зачем ты мне снова снишься
Белый на белом коне?

Смешно родиться невпопад —
Со временем не свыкнуться.
Приходи, Петлюра, брат,
В картишки перекинуться.

<не позднее февраля 1973>

Елена Шварц

66

Представление о стихах в 18 лет

Кто опишет тетю Любу,
Ее быстрый говорок,
Ее вытертую шубу,
Ее высохший висок?
Неизбывно, невозможно —
Обстоятельность претит —
В них лишь музыка неложно —
Лютня с волком — говорит.
Что стихи есть — мирозданье
Или камешек в кольце?
Или это бормотанье
С озарением в конце?
Я б хотела, чтоб сияли,
Легкой плотью снащены,
Чтобы ангелами стали,
Если ангелы больны.

<не позднее февраля 1973>

Со смирением

Снег удовольствия не находил в работе
Светить и стекленить массивы темной плоти.
Снежинки ловкие скользили мне в карманы,
Что делать им, когда стоят туманы, —
Как будто слямзить хочет
Из тусклоты кармана
Сверкающая нить,
Что мы не в силах увидеть,
Не в силах сохранить.
Снег удовольствия не находил в работе.
Где шкаф стоял дубовый темной плоти,
Две выставив в царапинах стопы,
Где я нашла средь шумной книг толпы
Евангелье в истертой позолоте,
Селились в корешке его клопы,
Там звезду несли, как свечку, к Вифлеему,
Хлопали пеленки на ветру,
И сиял младенец в колыбели...
О, когда бы нам такое зренье,
Как тем рыбалям — чинили сети
Порванные, новые вязали...
И глядит отец их в изумленье,
Как уходят за прохожим дети —
Даже до свиданья не сказали.
Сколько было их потом — о, тучи —
Рыбарей, что сети чинят, чинят,
А глядят все мимо, не в работу,
На дорогу будто бы с упреком,
Но по ней никто все не проходит,
А она как будто ждет кого-то...
О если б Лука говорливый
Иль озаренный Иоанн
Объяснили, кем Ты был от века,

До преображенья в человека
(цифрой, пламенем?).
В нем, непонятном там,
Божественная суть,
Непостижимое начало
В земном себя вдруг
Захотело встретить —
Две сущности, слиясь,
Себя теряют в третьей.
И человекобог — не Бог, не человек, —
Но Бог больной и плоть больная,
Благоговей и стена,
Как вынесла она свой век?
Его скелет других недужней,
И скорбно кости говорят,
Что, в сущности, он был не нужен
И для одной проформы взят.
Но этот свет в себе небесный
Земной выдерживал состав,
Как эта книжечка чудесно
Содержит свет — ему не тесно,
Она не старится, устав.

1973

Письмо

Н. Перлиной

Слюны полоска на конверте —
О полужизнь — твоя примета.
Там в долине полусмерти
Темзой разбавляют Лету.
Из Римолондона привет,
Ты пишешь, надо ж, — из Парижа,
Его на свете вовсе нет,
Вот Прага есть — она поближе,
Тебя я, Нина, не увижу,
А дальних трудно нам любить,
И Ариадны рвется нить,
Ее подымешь и завяжешь,
Она порвется все ж —
Вот червяка разрезал нож,
И он живет вдвойне — ты скажешь.
Мы ненавидим то, что любим,
И рады бросить поскорей...
Ты просишь в баре виски дубль
И бросишь по привычке рубль.
Ты вспомнишь вдруг — и дрогнут губы —
Родительские дни, палатки лагерей.
Но впрочем, это все печаль
По прошлому, не по отчизне.
И мы летим, сорвавшись, в даль,
И нас кому-то будет жаль,
Хоть плачем мы по вас на тризне.
С болью, но и с облегченьем,
Хотя все-таки с мученьем,
Как легко мы все простились,
Вы — по улицам Аида
На машине прокатились.

Желчен был один Катенин —
По заслугам ему честь.
О тень с температурой тридцать шесть,
Для тебя мы тоже тени.

8 ноября 1974

В болезни — Наварин

А. Конечному

Флаг андреевский посконной
Наготой моря томит,
Из двух жилок знак скрещенный
В белизне исподней вшит.
Для России морские сраженья —
Розой ветров на картах в углу —
Кру глятся, пенятся без движенья
В сениях сознания, в виске, на юру.
Но я сегодня в болезни жаркой
Сквозь лекарств синеву, пелену
Вижу белые снасти и флаги яркие,
И наш корабль идет ко дну.
Боцман сжимает свисток свой потный,
И капитан уж в воде стоит,
И матросов бедных сотня
Тонет, мокнет и горит.
О, моря купельные! О, кресты нательные!
Чистое, чистое смертное белье...
Скажи, скажи скорее, Муза, —
Зачем ты кажешь Наварин?
Он из моей забытой блузы,
Из слез, прокопченных картин.
А что не петь, что навязалось,
Певцу, когда он петь готов —
Ты на глаза его бросаешь
Сопливый носовой покров,
Чтоб он увидел мокрый парус
И блеск студенистых валов.
Сверкают мачты, ноги босы,
И рейд, и бухты лепесток —
Как будто кукольным матросом,

Кружась, я падала в песок.
И вот теперь уже не вспомню
Всю жизнь замшелую — всю ту,
Но только блеск, корабль наш тонет
И ядра плещут в пустоту.
Душа уже ему в обузу —
Мгновенье гибельных родин.
Скажи, скажи скорее, Муза, —
Зачем ты кажешь Наварин?

1974

Ночь в Вавилоне

Мальчик засыпает в Вавилоне.
Невысоко над его окном
Ласточка впотьмах червя уронит
И, влетев в свой рукавишный дом,
Щебетнув, задернет вход крылом.
Ласточата залепечут вяло,
Кулачком гнездо уткнулось в воздух.
Что прочнее, ласточка, слюны?
И накинуто на всех, как одеяло,
Чье-то чувство пред живым вины.
Ты спокойно в крепком доме спишь
На дне времен, в глубоком их стакане,
В осадке мутном — в вечном Сеннааре.
Но, слава Богу, ты не замечаешь,
В какой глубокой древности ты спишь.
Ты окружен надежною страной
И греешь ночь своим живым теплом.
Ах, ласточка, законопать слюной
Продрогший мозг и мой холодный дом.

1974

Развлечения Демиурга

1. Филологические развлечения Демиурга

То скосит он наречий мятных круг —
Веками чуют их завялый дух,
То клинописи нюхать порошок,
То арамейским красить мамалыгу.
Латынь он то в толстенной книге сушит,
То дунет, и она — вертлявый мальчик милый,
С которым спал разборчивый Вергилий...
То в греческом он плещется китом
И греется в его соленых брызгах,
То собирает цветики живые,
Где польский васильком во ржи — ржевусский,
То в мерзлых пять картошек могилевских
Он превратит смиренный белорусский
И сам прикинется старушкою безродной,
Что молится на них в голодный год,
То багровеет петухом испанским,
То русский превращает он в тосканский,
То с Хлебниковым смотрит в микроскоп,
Где атомы языковые построятся татарскою ордой,
То дамским станет он плохим портным,
На местечковом сыплет и картавит,
Парижскою съедобною лягушкой
Мяучит по-китайски, то черных
В ряд выставит с далеких островов.
Наречья все похожи, как копейки,
Но тот с копьем, а тот — с серьгой в носу.
И все потом он превратит в цвета,
И все они в один смешаются — белый —
Язык молитв и выраженья боли.
Хоть не дрожат голосовые связки,
Но самый громкий — ты — язык без маски.

2. Хирургические развлечения Демиурга

Когда ты ногтем прикрываешь лайнер,
Уплывающий за горизонт,
То нету понятия — большой и малый,
Все перепутано и больше неба зонт.

И свежевзрезанным больным
Или как чистый юный труп
Земля была, и, сдунув дым,
Стоял над нею доктор Тюльп.
И ангелы дивились тут без меры —
Как влажен, как состав ее сиял,
Когда он пленку атмосферы
Как кожуру граната снял.
О чистый жир Атлантики!
О печень сирой Балтики!
И океана в складках брюхо,
Где рокотало что-то глухо.
Он взял еще горячим сердце кролика,
Убиенного на кухонном столе,
Всадив в Сахару морфия толику,
Пересадила его Земле.
С сердцем робчайшего из зверьков
Она быстрее побежала.
И ветерком острей кинжала
Он срезал плесень городов.

1974

Наклоненье и выпрямленья крови

Скорей подпорки ей готовы!
О этот кровосос разлуки —
Когда отхлынувшая кровь
Вся тянется к кому-то в муке.
Волчком, воронкой, дикой стрелкой
Компактной
В отжитое кажется путь
Напрасный.
Но тут движеньем рыбака
Луна ее рванет, ее коснется,
И тут прилив таинственный начнется,
Спрямясь, мерная, она в себя вернется.
И снова кровь стоит во мне,
Колышет алой кроной древо,
Она чутка, как змей на пне,
И поджидает тень напева.
Она пряма — чужое гнется,
И, излучая свет и мглу,
Она пластинкой крутанется
И ступит разума иглу.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Основой для этой книги послужила «зеленая тетрадь» — машинописный сборник из архива Е. А. Шварц, составленный поэтом в феврале 1973 года (дата стоит на титуле). Неопубликованные стихи из машинописного сборника были дополнены другими неизданными текстами середины 1960—1970-х гг. из архива поэта.

Стихотворения публикуются в хронологическом порядке. Датировки некоторых стихов из «зеленой тетради» уточнены по отдельным машинописным копиям. Однако многие тексты остались недатированными, поскольку другие источники этих стихотворений, кроме машинописного сборника, не сохранились. В этом случае достоверно можно говорить только о верхней границе датировки — февраль 1973 года.

Большинство стихотворений воспроизводится по машинописному сборнику. От этого принципа мы отходили только в тех случаях, когда находилась машинопись, сде-

ланная позже 1973 года. В одном случае мы восстановили наиболее полную раннюю редакцию, чтобы не упустить еще одно неопубликованное стихотворение: в состав «зеленой тетради» был включен только первый текст из «Двух стихотворений об Ангеле-Хранителе».

Пунктуация стихотворений приведена к современной норме (авторские знаки препинания при этом большей частью сохранены): Шварц, по свидетельствам близко знавших ее людей, достаточно свободно относилась к пунктуации в своих текстах, оставляя окончательное решение редакторам, когда речь шла о поздних печатных книгах.

Выражаем благодарность В. Авдеенко, К. Козыреву, Э. Липпа за помощь в работе.

П. Успенский
А. Шеля

Елена Шварц

Стихи из «Зеленой тетради»

Стихотворения 1966–1974 годов

Составители: П. Успенский, А. Шеля

Выпускающий редактор: А. Скидан

Ответственный редактор: Е. Костылева

Оформление серии: А. Журавлева

Верстка: Д. Бреслер

Подписано в печать 03.05.2018. Формат 60 × 90 1/32. Объем 1 усл. печ. л.

Тираж 500 экз. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Отпечатано в ООО «ТРП»

127137, г. Москва, ул. Правды, д. 24, стр. 5